

¹ Вера Ивановна Рудич (1872—1943) — поэтесса и переводчица, прозаик; за сборник «Новые стихотворения» (СПб., 1908) была удостоена почетного отзыва комиссии АН по присуждению Пушкинской премии; писала в традиционной манере.

² Густав Гейерстам (Geijerstam, 1858—1909) — шведский беллетрист, особой популярностью пользовались его рассказ «Книга о маленьком брате» (правдивое изображение детской души) и роман «Комедия брака».

© П. Ф. Успенский

ТАЙНЫЕ ПОМИНКИ ПО БЛОКУ: НЕКРАСОВ, БЛОК, ХОДАСЕВИЧ*

Август 1921 года стал рубежным событием в истории русской литературы: для многих деятелей культуры с гибелью Н. Гумилева и смертью А. Блока кончилась целая эпоха.¹ Трагические события оказались ключевыми в творческой биографии В. Ходасевича, который в конце 1921—1922 годов стал одним из популярнейших поэтов. Именно к нему, по свидетельству Н. К. Чуковского, «примкнули многие из любивших Блока».²

О своем восприятии смерти поэтов Ходасевич рассказал в «Некрополе», в главе «Гумилев и Блок» (опубл. 1939, с пометой создания текста — 1931). О Гумилеве сообщение скупое: «В начале сентября мы узнали, что Гумилев убит. Письма из Петербурга шли мрачные, с полунамёками, с умолчаниями».³ О смерти Блока Ходасевич говорит подробнее: «Через несколько дней, когда я был уже в деревне, Андрей Белый известил меня о кончине Блока. 14-го числа, в воскресенье, отслужили мы по нем панихиду в деревенской церкви. По вечерам, у костров, собиралась местная молодежь, пела песни. Мне захотелось тайком помянуть Блока. Я предложил спеть „Коробейников“, которых он так любил. Странно — никто не знал „Коробейников“».⁴

Цель нашей работы — объяснить приведенный фрагмент, в котором бросается в глаза странный эпизод тайных поминок по великому поэту. Его необходимо рассмотреть в двух аспектах: как описание событий, действительно произошедших в

* Автор выражает признательность Л. Л. Пильд и М. С. Макееву за критические замечания, возникшие при ознакомлении с рукописью статьи.

¹ По понятным политическим причинам в печати говорилось в основном о смерти Блока, который для многих современников был еще и более значимым поэтом. См., например, признание П. Медведева: «Он (Блок. — П. У.) был Вергилием нашего поколения в мучительных страданиях по аду „пустого мира“ и чистилищу „зацветающих снов“. Вместе с Блоком мы опустили в могилу нашу юность» (Медведев П. Творческий путь А. А. Блока // Памяти Блока. Пб., 1922. С. 14—15). Ср. ретроспективное неподцензурное мемуарное признание Н. Берберовой сразу после описания смерти Блока и известий о гибели Гумилева: «...тот август рубеж. Началось „Одой на взятие Хотина“ (1739), кончилось августом 1921 года; все, что было после (еще несколько лет), было только продолжением этого августа» (Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. М., 2009. С. 140). Отклики на смерть Блока см., например, в след. изд.: Вестник литературы (1921. № 8 (32), № 10 (34)); Записки мечтателей (1921. № 4, 1922. № 5, № 6); Львов-Рогачевский В. Поэт-пророк. Памяти А. Блока. М., 1921; Об Ал. Блоке. Пб., 1921; Памяти Александра Блока / Андрей Белый, Иванов-Разумник, А. З. Штейнберг. Пг., 1922; Памяти Блока. Пб., 1922 и др.

² Чуковский Н. К. О том, что видел. М., 2005. С. 118. См. также: Ратгауз М. Г. 1921 год в творческой биографии В. Ходасевича // А. Блок и русский символизм: проблемы текста и жанра. Блоковский сборник. Х. Тарту, 1990. С. 117—129 (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 881); Богомолов Н. А. Вл. Ходасевич в московском и петроградском литературном кругу // Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века. Томск, 1999. С. 354—358; Шубинский В. Владислав Ходасевич: чающий и говорящий. СПб., 2011. С. 424—425.

³ Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1996—1997. Т. 4. С. 93.

⁴ Там же.

августе 1921 года, и, с другой стороны, как ретроспективное мемуарное свидетельство, содержащее, возможно, значительную долю вымысла.

Упомянутая в «Некрополе» деревня — бывшая усадьба Новосильцовых Бельское Устье. Оно соседствовало с усадьбой Холомки, принадлежавшей до революции князьям Гагариным. Благодаря стараниям К. Чуковского и М. Добужинского два бывших имения в Порховском уезде (Псковская губ.) с весны 1921 года были превращены в колонию писателей и художников при петербургском «Доме искусств». Для литераторов поездка в колонию была настоящим спасением, поскольку там можно было обменивать вещи на продукты, практически отсутствующие в голодном Петрограде. Поначалу деятели культуры селились в Холомках, однако вскоре дом перестал вмещать всех желающих, и под общежитие пришлось переделать находящийся в двух верстах дом в Бельском Устье. Именно туда 6 августа приехал Ходасевич с женой и пасынком.⁵

По свидетельству Н. К. Чуковского, между приехавшими из Петрограда и местными жителями установились самые тесные отношения. Литераторы и художники подружались с дьяконом (в Бельском Устье находилась церковь XVIII века) и его взрослой дочкой. В сторожке рядом с писательским домом жила семья кучера; к его старшей дочери, Евгении Вихровой, Ходасевич испытывал интерес и именно о ней, уже вернувшись в город, написал стихотворение «Лида» (октябрь 1921 года).⁶

В письме к Б. А. Диатроптову (16 августа 1921 года) поэт восторженно рассказывал о деревенском изобилии и делился с другом описанием своего досуга: «По вечерам, в дубовой аллее, собирается здешняя золотая молодежь: Милашевский, дьякон, агроном (гитара, он же регент в отличном церковном хоре), псаломщик, два-три каких-то парня в куртках. Последние похожи на пастухов и молча сидят у костра. Девушки: жена агронома, штук 6 учительниц из школы (ученость не сочетается с красотой и здесь, как в других местах), какие-то две зубастые порховитянки, еще кто-то, еще какие-то и — она: дочь кучера, ставшего земледелем».⁷

«В лето, когда мы купались в Шелони, умер Александр Блок» — вспоминал В. А. Милашевский.⁸ Действительно, мирное течение жизни нарушила смерть великого поэта. О ней в писательской колонии стало известно 11 августа. К. Чуковский записал в этот день в дневнике: «Только что вошел Добужинский и сказал, что Блок скончался. Реву — и что де[...]».⁹ Сын критика проплакал весь день.¹⁰

Для Ходасевича смерть Блока тоже была потрясением, хотя уезжая из Петрограда, он уже знал, что поэт обречен.¹¹ Страшное известие было получено от А. Белого: «Блока не стало. (...) Что ж тут сказать? Просто для меня ясно: такая полоса; он задохся от очень трудного воздуха жизни; другие говорили вслух: „Душно“. Он просто замолчал, да и... задохся. Эта смерть для меня — роковой часов бой» (письмо от 11 августа 1921 года).¹²

⁵ Датировка приезда: Чуковский К. Дневники. 1901—1921. М., 2011. С. 361. О писательской колонии см.: Там же. С. 343—365; Чуковский К. Собр. соч.: В 15 т. М., 2001—2009. Т. 14. С. 461—467; Чуковский Н. Указ. соч. С. 105—112; Милашевский В. А. Воспоминания художника. 2-е изд. М., 1989. С. 224—236; Ходасевич В. Собр. соч. Т. 4. С. 431—433; Шубинский В. Указ. соч. С. 404—415.

⁶ Чуковский Н. Указ. соч. С. 109—112. Ходасевич В. Собр. соч. Т. 1. С. 220. См. также стихотворение «Бельское Устье» (декабрь 1921; Там же. С. 221—222).

⁷ Ходасевич В. Собр. соч. Т. 4. С. 433.

⁸ Милашевский В. А. Указ. соч. С. 227.

⁹ Чуковский К. Дневники. С. 363. Далее страница дневника оборвана.

¹⁰ Чуковский Н. Указ. соч. С. 21.

¹¹ Ходасевич В. Собр. соч. Т. 4. С. 93.

¹² Ходасевич В. Три письма Андрея Белого // Современные записки. 1934. Кн. 55. С. 257—258. Ходасевич считал, что авторство суждения «Блок задохнулся» принадлежит именно Белому (Там же. С. 257).

В этот же день Ходасевич написал одно из мрачайших своих стихотворений:

Всё жду: кого-нибудь задавит
Взбесившийся автомобиль,
Зевака бедный окровавит
Торцовую сухую пыль.

И с этого пойдет, начнется:
Раскачка, выворот, беда,
Звезда на землю оборвется,
И станет горькою вода.

Прервутся сны, что душу душат,
Начнется всё, чего хочу,
И солнце ангелы потушат,
Как утром — лишнюю свечу.¹³

В буквальном смысле апокалиптическое настроение текста (сорвавшаяся звезда и горькая вода отсылают к Откровению Иоанна Богослова) свидетельствует о масштабах смерти Блока для Ходасевича. Процитированные стихи являются почти мгновенной реакцией на страшное известие. Поэтому мы не можем вполне верить словам поэта, обращенным к В. Г. Лидину спустя несколько недель, 27 августа. В письме к нему Ходасевич делает акцент на историко-литературной перспективе произошедшего события, которая также выглядит удручающе: «Знаете ли, что эта смерть никак не входит в мое чувство, никак не могу *ощутить*, что нет Блока, — и не могу огорчиться. Умом понимаю — и просто душит меня злоба, — а огорчения *здесь* не чувствую. Должно быть, почувствую в Петербурге. Знаете ли, что живых, т. е. таких, чтоб можно еще написать новое, осталось в России три стихотворца: Белый, Ахматова да — простите — я. (...) Особенно же грустно то, что, конечно, ни Белому (как стихотворцу), ни, уж подавно, Ахматовой, ни Вашему покорному слуге до Блока не допрыгнуть».¹⁴ Хотя автор заявляет, что смерть Блока «никак не входит» в его чувство, мы понимаем: за этими словами стоит труднейший процесс осмысления произошедшего.

Итак, смерть Блока была для поэта катастрофическим моментом истории русской литературы. Думается, что в таком контексте более ожидаемой реакцией «пушкиниста» Ходасевича была бы проекция трагического события на гибель Пушкина (ее актуальность подкреплялась недавними юбилейными торжествами, на которых Блок и Ходасевич произнесли свои знаменитые речи).¹⁵ Косвенно, ва-

¹³ Ходасевич В. Собр. соч. Т. 1. С. 209. См. помету, сделанную в принадлежащем Н. Берберовой экземпляре «Собрания стихов» (1927): «В этот день я узнал о смерти Блока» (Там же. С. 514).

¹⁴ Ходасевич В. Собр. соч. Т. 4. С. 435.

¹⁵ См. подобную проекцию в высказываниях современников: «Мы его потеряли как... Пушкина; он, как и Пушкин, искал себе смерти» (Белый А. Кончина А. А. Блока // Записки мечтателей. 1921. № 4. С. 9); «...Пушкин не перестал быть великим поэтом от того, что он, как доказывают многие, отрицательно относился к декабристам. (...) Но одно несомненно: незадолго до своей кончины Блок пережил большую душевную травму» (А. К. Великая утрата // Вестник Литературы. 1921. № 8 (31). С. 9); «Образ Пушкина и его лучшего детища неслучайно всплыл в моем воображении. Воистину чертами нового Пушкина просвечивается образ автора „Возмездия“» (Медведев П. Творческий путь А. А. Блока С. 64). «7 августа 1921 года такой уж невероятный день, как тот — 1837 года, когда узнали: убит Пушкин» (Е. И. Замятин и К. И. Чуковский. Переписка (1918—1928) / Вступ. статья, публ. и комм. А. Ю. Галушкина // Евгений Замятин и культура XX века. СПб., 2002. С. 210 (письмо Е. Замятина К. Чуковскому от 8 августа 1921 года)). В 1926 году Ходасевич приблизился к такому сопоставлению, сохраняя, впрочем, дистанцию. Вспоминая о своем разговоре с Блоком 26 февраля 1921 года, мемуарист писал: «И хотя, повторяю, слова были спутаны, смутны, — за ними ощущалась такая уж обнаженная, терпковатая правдивость. Блок был необыкновенно правдив, тою правдивостью, без которой нет великого поэта. Я бы не решился сказать, что правдивость у него была пушкинская. Скажу — почти пушкинская. Потому „почти“, что для последовательного символиста,

роятно, на такое восприятие указывают заключительные строки приведенного выше стихотворения: «И солнце ангелы потушат, / Как утром — лишнюю свечу». Здесь «солнце» может ассоциироваться с фразой В. Ф. Одоевского о гибели Пушкина: «Солнце нашей поэзии закатилось!» Несомненно, это высказывание было актуальным для Ходасевича: в «Колеблемом треножнике» 14 февраля 1921 года он говорил о «первом затмении пушкинского солнца» и предрекал второе.¹⁶ Употребление метафоры солнца в связи со смертью Блока мы также встречаем в стихотворении А. Ахматовой «А Смоленская нынче именинница...».¹⁷ В стихотворении Ходасевича, однако, «солнце» лишь отдаленно ассоциируется с Пушкиным (и, соответственно, с Блоком), и пушкинский контекст нигде больше не проступает. Зато для него на первый план выходит Некрасов: «Я предложил спеть „Коробейников“, которых он так любил».

Итак, Ходасевич решил тайно помянуть Блока и предложил местной молодежи, которая проводит вечера у костра, спеть песню на стихи Некрасова. Что же стоит за этим жестом? Мы полагаем, что поэт в данном случае не только совершал поминки, но и проверял блоковскую идеологию.

Первое, что открывается в поступке Ходасевича, — это имплицитное противопоставление жителя Петербурга, поэта, носителя высокой культуры и местного населения.¹⁸ Хорошо известно, что для Блока взаимоотношения интеллигенции и народа составляли предмет непрекращающихся размышлений. По словам Д. Е. Максимова, «это — ключевая тема всех прозаических сочинений Блока».¹⁹ Действительно, во многих статьях поэта эта проблема ставится весьма остро. Не имея возможности разбирать ее подробно,²⁰ ограничимся несколькими характерными примерами.

В ноябре 1908 года поэт прочитал в Религиозно-философском обществе доклад, а в № 1 «Золотого руна» за 1909 год опубликовал статью «Россия и интеллигенция». В этой работе мысли об «Исповеди» М. Горького перерастают в размышления о взаимоотношениях народа и интеллигенции. Признавая, что между этими двумя «станами» есть «соединительная черта», на которой «вырастают подчас большие люди и большие дела», Блок в целом оценил сложившуюся ситуацию как

каким был Блок, вполне пушкинская правдивость невозможна» (*Ходасевич В. О Блоке и Гумилеве. Воспоминания // Дни. 1926. 1 авг. С. 3*).

¹⁶ Ср.: «Конечно, нельзя на часах указать ту минуту, когда это второе затмение станет очевидно для всех. (...) Но уже эти люди, не видящие Пушкина, вкраплены между нами. Уже многие не слышат Пушкина, как мы его слышим, потому что от грохота последних шести лет стали они туговаты на ухо. (...) И тут снова — не отщепенцы, не выродки: это просто новые люди. Многие из них безусыми юношами, чуть не мальчиками, посланы были в окопы, перевидали целые горы трупов, сами распоролы немало человеческих животов (...) и вот вчера возвратились, разнося свою психическую заразу. (...) И не только среди читателей: в поэзии русской намечается то же. Многие в Пушкине почти непонятно иным молодым поэтам...» (*Ходасевич В. Собр. соч. Т. 2. С. 81—82*). О речи Ходасевича см.: *Сурат И. Пушкинист Владислав Ходасевич. М., 1994. С. 12—20*.

¹⁷ «Наше солнце, в муке погасшее, — / Александра, лебедя чистого» (*Ахматова А. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 166*).

¹⁸ Эксплицитно эта оппозиция выражена в стихотворении «Бельское устье» (декабрь 1921 года): «Здесь аисты, болота, змеи, / Крутой песчаный косогор, / Простые сельские за-теи, / Об урожае разговор. // А я росистые поляны / Топчу тяжелым башмаком, / Я петербургские туманы / Таю любовно под плащом, // И к девушкам, румяным розам, / Склоняясь томною главой, / Дышу на них туберкулезом / И вдохновеньем, и Невой» (*Ходасевич В. Собр. соч. Т. 1. С. 221*).

¹⁹ *Максимов Д. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1981. С. 356*.

²⁰ См. об этом: Там же. С. 353—371 и др. Взаимоотношения народа и интеллигенции у Блока рассматривались не только применительно к критике. Здесь, прежде всего, необходимо назвать работу З. Г. Минц «Блок и традиции русской демократической литературы» (1973) (*Минц. З. Г. Избр. труды: В 3 кн. СПб., 2000. [Кн.] Александр Блок и русские писатели. С. 261—336*). Важно отметить также статью А. В. Лаврова «Блок и Ф. М. Решетников», в которой об указанной теме говорится в несколько ином ключе (см.: *Лавров А. В. Этюды о Блоке. СПб., 2000. С. 186—192*).

близкую к катастрофе. Действительно, интеллигенции непонятны слова о «сострадании как начале любви» и страну она по-настоящему не любит. С другой стороны, народ, который «искони носит в себе» «волю к жизни» (в отличие от современной интеллигенции, «прóпитанной» «волею к смерти»), может оказаться источником бед для социального круга автора: «Тот же Гоголь представлял себе Россию летящей тройкой. „Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ“. Но ответа нет, только „чудным звоном заливаются колокольчик“. Тот гул, который возрастает так быстро, что с каждым годом мы слышим его ясней и ясней, и есть „чудный звон“ колокольчика тройки. Что, если тройка, вокруг которой „гремит и становится ветром разорванный воздух“, — *летит прямо на нас?* Бросаясь к народу, мы бросаемся прямо под ноги бешеной тройке, на верную гибель».²¹

Категоричность мнений не отменяет того, что в некоторые периоды Блок пытался найти компромиссы в осмыслении взаимоотношений двух социальных групп,²² а образ России и, соответственно, народа подчас был двойственным. В целом, однако, точка зрения поэта отличалась от взглядов многих современников.

В дальнейшем, после февральских и октябрьских событий Блок на некоторое время занял еще более радикальную позицию. Несомненно, здесь показательна его статья «Интеллигенция и революция» (январь 1918 года), которая вызвала оживленное обсуждение и привела к осуждению поэта со стороны многих литераторов.²³ В ней, как известно, судьба культурного наследия ставится в зависимость от исторического прошлого, в котором люди, создавшие это наследие, угнетали народ. Оправдывая происходящее, автор статьи напоминает, что «за прошлое отвечаем мы», причем к этим рассуждениям примешивается комплекс вины интеллигенции перед народом. «Не бойтесь разрушения кремлей, дворцов, картин, книг. Бережь их для народа надо; но, потеряв их, народ не все теряет. Дворец разрушаемый — не дворец. Кремль, стираемый с лица земли, — не кремль».²⁴

В докладе «Крушение гуманизма» (1919; опубл. 1921) Блок развивал теорию, согласно которой в кризисные эпохи хранителем культуры становится народ: «Поэтому не парадоксально будет сказать, что варварские массы оказываются хранителями культуры, не владея ничем, кроме духа музыки, в те эпохи, когда обескровившая и отзвучавшая цивилизация становится врагом культуры».²⁵

Наконец, необходимо сказать, что многие рассуждения поэта в новом историческом контексте обрели вторую жизнь. После октябрьских событий Блок несколькими изданиями опубликовал книгу «Россия и интеллигенция» (Пг., 1918, 1919; Берлин, 1920), куда вошли не только «Интеллигенция и революция», но и ряд других статей, в том числе «Народ и интеллигенция» (под новым названием «Россия и интеллигенция»). В свете исторических изменений позиция поэта несколько прямолинейно считывалась современниками (масла в огонь подлило сотрудничест-

²¹ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960—1963. Т. 5. С. 323, 324, 326—328.

²² Это относится к периоду с середины 1909 года и ближайшим последующим годам. Здесь показательна, например, статья «О современном состоянии русского символизма» (1910), в которой Блок защищает «иные миры», синхронизируя жизнь поэтов и народа, не обвиняя ни в чем ни один социальный слой: «...революция совершалась не только в этом, но и в иных мирах; она и была одним из проявлений помрачнения золота и торжества лилового сумрака, то есть тех событий, свидетелями которых мы были в наших собственных душах. Как сорвалось что-то в нас, так сорвалось оно и в России. Как перед народной душой встал ею же созданный синий призрак, так встал он и перед нами. И сама Россия в лучах этой новой (вовсе не Некрасовской, но лишь традицией связанной с Некрасовым) гражданственности оказалась своей собственной душой» (Там же. С. 431).

²³ Подробнее о спорах вокруг этой статьи поэта см.: Блок А. Собр. соч. Т. 6. С. 497—498. О содержащихся в ней полемических выпадах в адрес интеллигенции см.: Иванова Е. Александр Блок: последние годы жизни. СПб., 2012. С. 126—140.

²⁴ Блок А. Собр. соч. Т. 6. С. 16.

²⁵ Там же. С. 111.

во в левоэсерсовских изданиях и, конечно, поэма «Двенадцать»²⁶). Так, например, в предисловии к берлинскому изданию сборника статей эсер А. Шрейдер связывал мысли поэта с идеологией народничества: «Нам близок Александр Блок. В нем есть родное. Ведь Блок — народник. (...) Александр Блок — народник! (...) Ведь народничество — не принадлежность к какой-то партии, не „социализация земли” и „особый путь развития”. Народничество — мироощущение. Народничество — миропонимание. Народник — особый психологический тип».²⁷ В литературных, а не политических кругах высказывались те же мысли, но подчас с противоположным знаком. Вспомним реплику Вяч. Иванова в разговоре с М. С. Альтманом от 17 января 1921 года: «Да и Блоком я недоволен. Он тоже „пошел в народ”, становится Некрасовым. Ах, как это время все обернуло».²⁸

Для Ходасевича позиция Блока была неприемлемой. Он как внимательный читатель, скорее всего, заметил, что в процитированном выше пассаже из «Интеллигенции и революции» ни слова не сказано о том, чем же является «уничтоженная книга». Но причины неприятия блоковской концепции лежат глубже.

Известно, что в первые послереволюционные годы многое в революции Ходасевич принимал.²⁹ Особенно он приветствовал обновление социальной жизни и изменение соотношения общественных слоев. В письме Б. А. Садовскому от 15 декабря 1917 года поэт отмечал: «Дайте вот только перемолотся муке. Верю и знаю, что нынешняя лихорадка России на пользу. Но не России Рябушинских и Гучковых, а России Садовского и... того Сидора, который является обладателем легендарной козы. Будет у нас честная трудовая страна, страна умных людей, ибо умен только тот, кто трудится».³⁰

Тем не менее, принимая революцию как возможность обновления страны, Ходасевич был далек от апологии народной некультурности. С точки зрения поэта, единственное, что сейчас необходимо, — это служение просвещению. Эта идея ярко сформулирована в статье «Безглавый Пушкин», написанной летом 1917 года и посвященной уничтожению памятника поэту: «Ни один из этих солдат не поднял бы руку на красное знамя, — а Пушкину он снес голову как ни в чем не бывало. Это потому, что он (страшно сказать!) не имел представления о том, что такое Пушкин. Громившие Пушкина, конечно, впервые слышали это имя. Они не знали того, что это — памятник одному из величайших русских людей, что в самом слове „Пушкин” больше свободы, чем во всех красных знаменах. Не знали они того, что не только пушкинская, но и всякая другая истинная поэзия есть динамит, взрывающий самые основания неправого общественного строя. До боли становится горько от темноты народной! Тот, кто хочет сейчас честно служить революции и народу, должен идти и учить, учить, учить. Цари всегда опирались на невежество — и сейчас еще невежество есть самое могучее средство контрреволюции. Культурные силы России только теперь получили доступ к народным массам, — и сейчас их первый, единственный долг — это согласными усилиями броситься в пробитую брешь».³¹ Мысли о наступающей эпохе некультурности отчетливо слышны и в пушкинской речи «Колеблемый треножник».³²

²⁶ Свод мнений о поэме см.: Там же. Т. 3 (комментарии); А. Блок: pro et contra. СПб., 2004. С. 262, 294—295, 440—441, 508 и др.; См. также: Иванова Е. Александр Блок: последние годы жизни. С. 140—167.

²⁷ Шрейдер А. Предисловие // Блок А. Россия и интеллигенция. Берлин, 1920. С. 6—7. О Блоке и левых эсерах см.: Иванова Е. Александр Блок: последние годы жизни. С. 91—114.

²⁸ Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым / Сост. и подг. текста В. А. Дымшица и К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1995. С. 27.

²⁹ См. замечание А. И. Ходасевич: «после революции, которую Владя принял с огромной радостью» (Ходасевич А. И. Воспоминания о В. Ф. Ходасевиче // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 386).

³⁰ Ходасевич В. Собр. соч. Т. 4. С. 409.

³¹ Ходасевич В. Собр. соч. Т. 1. С. 479.

³² Ср.: «Немало доброго принесла революция. Но все мы знаем, что вместе с войной принесла она небывалое ожесточение и огрубение во всех без исключения слоях русского народа.

Новый виток размышлений о политической и культурной ситуации возник у поэта в конце весны—летом 1921 года. По сути, эта была реакция на введение НЭПа (март 1921 года). 25 июня Ходасевич заносит в записную книжку размышление о том, что сейчас для искусства наступает «Второе Средневековье», а будущее представляет из себя «повальное буржуйство, сперва в капитализме, потом в „кооперативно-крестьянском“ американизме, в торжестве техники и общедоступной науки, в безверии и проч.».³³ В июне—июле было написано «Искушение», в котором четко сформулировано неприятие нового порядка: «И Революции не надо! / Ее рассеянная рать / Одной венчается наградой, / Одной свободой — торговать. // Вотще на площади пророчит / Гармонии голодный сын: / Благих вестей его не хочет / Благополучный гражданин. // Самодовольный и счастливый, / Под грудой выцветших знамен, / Коросту хамства и наживы / Себе начесывает он». Показателен и автотекст комментарий к стихотворению: «Те ошибутся, кто увидит в нем неприятие Революции. В нем только сердце, оскорбленное, как говорится, в лучших чувствах своих некоторыми предателями Революции...».³⁴

Разочарование в совершившихся событиях актуализировало и размышления о народе. Об этом свидетельствует строки из стихотворения «Люблю людей, люблю природу...», написанного 15—16 июня этого же года: «И твердо знаю, что народу / Моих творений не понять».³⁵ В черновиках к стихотворению неприятие апологии народа выражено еще более четко: «И не пойму, зачем к народу / Свой слух я должен преклонять». В следующем варианте эти строки приближены к окончательному: «И твердо (с грустью) знаю, что народу / Моих творений не понять», но зато появляется ироничная и полемичная строфа: «Служу поэзии высокой, / Моих сограждан не кляня. / Быть может, правнук их далекий / Читать научится меня».³⁶

С этим набором мыслей горожанин Ходасевич в августе уехал в деревню, где окупился в жизнь русской провинции и напрямую столкнулся с тем, о чем писала и рассуждала интеллигенция на протяжении последних лет. Впечатления Ходасевича от дикости новой жизни хорошо восстанавливаются (даже с поправкой на то, что тексты написаны в эмиграции) по его очеркам 1935 года «Во Пскове» и «Поездка в Порхов».³⁷

Известие о смерти Блока, таким образом, наложилось на переосмысление достижений революции и спровоцировало полемику с печатными выступлениями поэта. С учетом вышесказанного логику тайных поминок можно описать так. Согласно концепции Блока, в момент крушения старого строя интеллигенция должна внутренне согласиться с разрушением культуры и с наступающей некультурностью, приняв на себя вину перед народом. Хранителем культуры теперь становится именно народ. Ходасевич же своим предложением спеть песню на стихи Не-

Целый ряд иных обстоятельств ведет к тому, что как бы ни напрягали мы силы для сохранения культуры — ей предстоит полоса временного упадка и помрачения. (...) Пушкин не дорожил народной любовью, потому что не верил в нее. (...) Треножник не упадет вовеки, но будет периодически колебаться под напором толпы, резвой и ничего не жалеющей... (...) И наше желание сделать день смерти Пушкина днем всенародного празднования отчасти, мне думается, подсказано тем же предчувствием: это мы уславливаемся, каким именем нам аукаться, как нам переключаться в надвигающемся мраке» (Ходасевич В. Собр. соч. Т. 2. С. 83—85). См. также следующую за этими словами заключительную фразу, не вошедшую в печатное издание речи: «И мрак этот неизбежен, ибо что бы ни было — после больших извержений в воздухе еще долго носится черная пыль» (Там же. С. 478).

³³ Ходасевич В. Собр. соч. Т. 2. С. 12—13.

³⁴ Там же. Т. 1. С. 201, 512.

³⁵ Там же. С. 204.

³⁶ Ходасевич В. Стихотворения / Вступ. статья Н. А. Богомолова / Сост., подг. текста и прим. Н. А. Богомолова и Д. Б. Волчека. Л., 1989. С. 387 (Библиотека поэта. Большая сер.).

³⁷ См.: Ходасевич В. «Некрополь» и другие воспоминания / Сост. и комм. Е. М. Бенья. М., 1992. С. 286—305. См. также републикацию очерка «Поездка в Порхов» с подробными комментариями: Безродный М. Месяц в деревне Владислава Ходасевича // Литературное обозрение. 1989. № 11. С. 104—112.

красова провоцирует местное население, пытаясь выявить, прав ли Блок в своих построениях. В таком контексте фраза «Странно, никто не знал „Коробейников”» наглядно демонстрирует, что хранителем культуры остается интеллигенция, но никак не народ.

Показательно, что Ходасевич предлагает спеть песню на стихи Некрасова. Почему выбран именно этот поэт? Дело, по-видимому, не только в «народности» пещи музыки «мести и печали», но и в том, что поэзия Некрасова в большинстве своих проявлений весьма идеологична. Его «народность» — это не плод восприятия последующих поколений, а декларируемая позиция дворянина, конструирующего представление о народе. Ходасевичу подобный взгляд никогда не был близок.³⁸ По-видимому, поэт, подобно другим современникам, мог усмотреть в литературных выступлениях Блока своего рода реинкарнацию некрасовской музыки.³⁹ Инициатор тайных поминок, в таком случае, совершал откровенную провокацию, предлагая помянуть Блока песней на стихи наиболее «народного» поэта, которая заведомо должна быть известна аудитории. Неспособность народа воспроизвести текст наиболее близкого к нему автора позволяет усомниться и в представлениях Некрасова (и, соответственно, Блока) о народе. Провокация Ходасевича, конечно, была направлена на дискредитацию печатных выступлений символиста.

Если Некрасов выбран как наиболее «народный» поэт-помещик, то «Коробейники» — как наиболее «народное» произведение. У него, по-видимому, был особый культурный статус. Сам автор, развивая идею специальной литературы для народа, издал поэму в виде «красной книжки», тираж которой должны были распространять офени в деревнях по предельно низкой цене — 3 коп. за экземпляр.⁴⁰ Наряду с другими произведениями «Коробейники» использовались в качестве пропаганды во времена хождения в народ.⁴¹ Популярности поэмы способствовала ее экранизация в 1910 году (реж. В. Гончаров и В. Сиверсен).⁴² В 1912 году (год

³⁸ Мы полагаем, что позднюю оценку Некрасова можно спроецировать на ситуацию 1921 года: «...великим поэтом я никогда Некрасова не считал и считать не в силах. Считаю его человеком поэтически одаренным, но свою одаренность загубившим именно не вольно, под влиянием ложных литературных понятий его эпохи» (Ходасевич В. К спору о Некрасове // Возрождение. 1938. 11 марта. С. 9).

³⁹ Сопоставление Блока и Некрасова актуализировалось вскоре после смерти символиста. См.: Рашковская А. Некрасов и символисты // Вестник Литературы. 1921. № 12 (36). С. 5—6; Оксенов И. Н. Некрасов и Блок // Некрасов. Памятка ко дню рождения. 22 ноября 1821—22 ноября (5 декабря) 1921. Пг., 1921. С. 19—20. Оксену принадлежит удачная формулировка, описывающая роль Некрасова в поэзии Блока: «Всюду, где Блок страдает от столкновения с действительностью, где жизнь ставит задачи, для своего разрешения требующие дела, поэт оказывается в преодолении темы внутренне и формально близким к Некрасову» (Там же. С. 20). Следует отметить, что приятель Ходасевича К. Чуковский в 1921 году готовил несколько книг о Некрасове и обсуждал их с Блоком. Поэтому вполне вероятно предполагать, что обсуждение Блока в связи с Некрасовым происходило в беседе знакомых литераторов. См., например, следующее свидетельство критика: «...он (Блок. — П. У.) заговорил о „Коробейниках”, как об одном из самых магических произведений поэзии, в котором он всегда чувствует буйную вьюгу, разыгравшуюся на русских просторах» (Чуковский К. И. Александр Блок (1922) // Чуковский К. И. Собр. соч.: В 15 т. М., 2001—2009. Т. 5. С. 179—180). О Блоке и Некрасове см. также: Орлов В. Н. Александр Блок и Некрасов // Научный бюллетень ЛГУ. 1947. № 16—17. С. 56—63; Левин Ю. Д., Дикман М. И. Пометки А. А. Блока на собрании стихотворений Некрасова // Уч. зап. ЛГУ. 1957. № 229. Серия филол. наук. Вып. 30. С. 286—291; Минц З. Г. Блок и традиции русской демократической литературы (1973) // Минц. З. Г. Избр. труды: В 3 кн. [Кн.] Александр Блок и русские писатели. СПб., 2000. С. 261—336; Скатов Н. Н. Некрасов в поэтическом мире Александра Блока // Скатов Н. Н. Некрасов. Современники и продолжатели. М., 1986. С. 234—293; Прийма Ф. Я. Блок и Некрасов // Александр Блок. Л., 1987. С. 5—36.

⁴⁰ Подробнее см.: Макеев М. С. Николай Некрасов: поэт и предприниматель. М., 2009. 214—229 (с указателем литературы).

⁴¹ Иванчин-Писарев А. И. Хождение в народ. М.; Л., 1929. С. 273; Соколов Н. И. Русская литература и народничество. Л., 1968. С. 170; Пищулин Ю. П. Поэзия Н. А. Некрасова в революционно-народническом движении 1870-х годов // Русская литература. 1971. № 4. С. 72.

⁴² См. об этом: Лотман Ю., Цивьян Ю. Диалог с экраном. Таллинн, 1994. С. 178, 180. Известно, что в кинотеатрах Иваново этот фильм в 1910—1911 годах пользовался популярностью

35-летия со дня смерти) «Правда» публикует разные материалы о Некрасове, в том числе и отзывы крестьян, говоривших, что «теперь народ знает Некрасова и любит его. Некрасов сделался нашим народным поэтом».⁴³

Неудивительно поэтому, что в какой-то момент отрывки произведения ушли в фольклор. Песнями стали два фрагмента: «Ой полна, полна коробушка....» (первая главка, до строки 48: «Без сердечного дружка»; чаще поется до слов «Тайну свято сохрани») и «Хорошо было детинушке...» (пятая главка, до строки 396: «На дне моря сосчитать»)⁴⁴. В. Княжнин свидетельствует: «Коробушка» была чрезвычайно популярна в 1906—1907 годах в Петербурге и вообще в северной и средней России.⁴⁵ 9 июня 1907 года Блок в вагоне поезда записывает в записной книжке: «„Коробейники“ поются с какой-то тайной грустью. (...) Голос исходит слезами в дождливых далях. Все в этом голосе: просторная Русь, и красная рябина, и цветной рукав девичий, и погубленная молодость. (...) В этом будет тайна ее и моего пути».⁴⁶

Фрагмент «Ой полна, полна коробушка....» оказал влияние на культуру модернизма. Здесь можно вспомнить стихотворение К. Бальмонта «Жалоба девушки» (1905) и некоторые стихи раздела «Деревня» в книге Белого «Пепел» (большинство стихов — 1908).⁴⁷ Трудно переоценить важность песни на стихи Некрасова для Блока. Вместо предисловия к сборнику «Земля в снегу» (1908) поэт написал текст, в котором «одинокая песня Коробейника» провозглашается «призывным напевом» на пути к «изначальной родине, может быть, самой России».⁴⁸ В контексте же тайных поминок необходимо обратиться к «Песне судьбы» (1908; опубл. 1909, 1919). В этой «драматической поэме» Блока некрасовский текст выполняет особую роль.

Не раз отмечалось, что проблематика «Песни судьбы» напрямую связана с основной темой критики Блока, в частности — с идеями работы «Народ и интеллигенция».⁴⁹ Так, например, в конце статьи цитировался пассаж о тройке из финала «Мертвых душ», а эпиграфом к «Песне судьбы» поставлены слова из последней главы романа Гоголя: «Почему слышится и раздаётся немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и широте твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет, и рыдает, и хватает за сердце? — Русь! Чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? — Что пророчит сей необъятный простор?». Две цитаты связаны между собой в исходном произ-

у местных рабочих (Розанова Л. А. Н. А. Некрасов и русская рабочая поэзия. Ярославль, 1973. С. 36).

⁴³ Цит. по: Никитина Е. П. Споры о Некрасове и Тютчеве в предреволюционные годы (1912—1916) // Наследие революционных демократов и русская литература. Саратов, 1981. С. 216.

⁴⁴ Песни русских поэтов / Вступ. статья, подг. текста и прим. И. Н. Розанова. Л., 1950. С. 344—347. См. также: Песни русских поэтов: В 2 т. Л., 1988. Т. 2. С. 62—64, 447 (комментарий В. Е. Гусева).

⁴⁵ Княжнин В. Н. А. А. Блок. Пб., 1922. С. 106. Цит. по: Долгополов Л. К. Александр Блок. Личность и творчество. Л., 1978. С. 86.

⁴⁶ Блок А. Записные книжки. М.; Л., 1965. С. 95—96. Блок — не единственный поэт, любивший «Коробушку». Примечательна, например, запись в дневнике Альтмана от 18 марта 1922 года: «Вчера были именины (день патрона!) Вячеслава Иванова. (...) Другой красивый момент, когда все хором затянули „Коробейников“. В. шумно встал, стукнул кулаком по столу (был он уже очень пьян), по стулу и сказал: „Некрасов был ничтожным поэтом, но да не забудется его имя во веки веков за то, что на него сошел Св. Дух (при этом В. истоиво перекрестился и заплакал), когда он писал „Коробейников“» (Альтман М. С. Указ. соч. С. 253).

⁴⁷ См.: Бальмонт К. Д. Стихотворения. Л., 1969. С. 306 (Библиотека поэта. Большая сер.); Белый А. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 107—117.

⁴⁸ Блок А. Собр. соч. Т. 2. С. 373—374.

⁴⁹ См. основные работы о поэме: Волков Н. Александр Блок и театр. М., 1926. С. 86—95; Родина Т. М. Александр Блок и русский театр начала XX века. М., 1972. С. 172—192; Федоров А. В. Ал. Блок — драматург. Л., 1980. С. 115—132; Громов П. П. Поэтический театр Александра Блока // Блок А. Театр. Л., 1981. С. 35—44.

ведении и, несомненно, образуют единое семантическое пространство в текстах Блока.

Напомним сюжет «Песни судьбы». Герман, вроде бы счастливо живущий со своей женой Еленой, после появления в их доме монаха, рассказавшего о Фаине, отправляется в странствия. Оказавшись в городе, он попадает на «всемирную промышленную выставку», на которой выступает Фаина с «Песней судьбы»; Герман влюбляется в цыганку.⁵⁰ Продолжая странствия уже на «бесконечной» равнине, герой вновь встречает Фаину. Она после объяснения исчезает, а оставшийся один Герман встречает Коробейника (его песню до этого он слышал сквозь мрак), который берется проводить его до ближайшего села.

Разумеется, наш неполный пересказ предельно схематичен. Для понимания произведения в данном случае важна не столько последовательность эпизодов, сколько те смыслы, которые вкладывал Блок в созданные образы. Уже один из первых исследователей блоковского театра и, что немаловажно, современник поэта, писал: «В то же время остро чувствуя, что интеллигенция и народ это два стана, Блок не в состоянии свое несколько старомодное народничество представить иначе, чем преломленным сквозь призму Эроса. Так рождается образ красавицы Фаины — носительницы народной души, так возникает образ „воина в засаде” — Германа, так их отношения слагаются в своеобразный роман, в прихотливый узор драмы, где основной дуэт осложняется еще побочными голосами. Тут перед нами и белый дом и Елена — тишина, и монах — ангел, и спутник — похожий на знатного иностранца (образ, как указала Л. Д. Блок, навеянный фигурой Витте Н. В.) и коробейник, выводящий Германа на дорогу»; «Третье действие — кульминационный пункт „Песни судьбы”. Оно изображает встречу Германа и Фаины, как встречу России и война»; «„Песня судьбы” есть бесспорно вещь большой русской темы».⁵¹

Многое из отмеченного исследователем можно увидеть при внимательном чтении произведения. «Песня судьбы» во многом произведение кризисного периода, его завершение.⁵² Неудивительно поэтому, что в нем подвергается сомнению почти все прежние ценности — и возможность тихого семейного счастья (начало драмы), и идея прогресса, гуманизма (сцена на выставке, когда ни один человек не соглашается пожертвовать собой ради высокой идеи), и современная литература (пустой разговор писателей в четвертой картине). Одновременно всем опровергнутым идеям противопоставляется Фаина, однако воссоединение с ней оказывается делом неопределенного будущего, тогда как в настоящем текста — конце драмы — происходящее сопровождается тревожными мотивами снега и бури. Вместо счастливого обретения любви Фаины-России интеллигент Герман вынужден совершить длинный путь, который когда-нибудь приведет его к возлюбленной, и сделать первые шаги герою помогает поющий песню коробейник — он доводит Германа до «ближнего места». Важность финала трудно переоценить. Во-первых, это конец текста, его

⁵⁰ Тот факт, что героиня — цыганка, не отменяет ее глубинной связи с народом, хотя делает этот образ амбивалентным. Как писали З. Г. Минц и Ю. М. Лотман, «яркая цыганка Фаина — дочь народа; тусклость, безликость современных людей — следствие отклонения современной жизни от ее естественных, воплощенных в народной жизни норм. (...) Но образ Фаины в „Песне Судьбы” связан не только с представлением о „настоящей” жизни, о субстанции народного характера. Кроме Фаины прошлой и Фаины будущей, в пьесе есть и Фаина настоящая: шантанная певица, исполняющая „общедоступные куплеты” с пошлыми словами, Фаина — сегодняшняя Русь, сопровождаемая загадочным спутником (...). Фаина-Русь, великая в своих возможностях, сегодня сама еще не знает истинных путей, ищет, но не находит Жениха, изменяет ему с ей самой ненавистным „спутником”» (Лотман Ю., Минц З. Человек природы в русской литературе XIX века и «цыганская тема» у Блока // Блоковский сборник. Тарту, 1964. [Вып. 1]. С. 138—139).

⁵¹ Волков Н. Указ. соч. С. 94, 91, 93.

⁵² Зоргенфрей В. А. Александр Александрович Блок (По памяти за 15 лет, 1906—1921 гг.) // Записки мечтателей. 1922. № 6. С. 135; Медведев П. Творческий путь А. А. Блока. С. 32—33.

сильная позиция, во-вторых, он перекликается с эпиграфом к драме из Гоголя. Именно начало «Коробейников» и оказывается той знаковой песней Руси. Таким образом, одна из основных идей «Песни судьбы» — трудное движение к народу.

Необходимо указать, что после первой публикации в 1909 году в альманахе «Шиповник» Блок долгое время не возвращался к драме. Однако в 1919 году он выпустил новую редакцию «Песни судьбы» отдельной книгой. В контексте произошедших исторических событий текст обретал новые смыслы. Обратимся еще раз к Н. Волкову: «...когда ритмы „Скифов” и „Двенадцати” улеглись в строки стихов — тогда и „Песня судьбы” озарилась новым светом. Драматический пролог, хотя и названный Блоком впоследствии поэмой — вновь был пережит нами, как пролог, как неизбежный путь к познанию Блока как русского мыслителя и поэта. В этом качестве и подлежит на наш взгляд „Песня судьбы” дальнейшему истолкованию».⁵³

Мы полагаем, что Ходасевич увидел «Песню судьбы» как раз в том самом ином ракурсе, о котором писал современник. Обратимся к финалу драмы:

«Герман. Это все был сон? — Фаина! Ты знаешь дорогу?
Фаина (*с небывалой тоской и нежностью*). Ты любишь меня?

Герман. Люблю тебя.

Фаина. Ты знаешь меня?

Герман. Не знаю.

Фаина. Ты найдешь меня?

Герман. Найду.

И внезапно, совсем вблизи, раздается победно-грустный напев, разносимый вьюгой:

Только знает ночь глубокая,
Как поладили они...
Распрялись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани...

Фаина. Трижды целую тебя. Встретиться нам еще не пришла пора. Он зовет. Живи. Люби меня. Ищи меня. Мой старый, мой властный, мой печальный пришел за мной. Буду близко. Родной мой, любимый, желанный! Прощай! Прощай!

Последние слова Фаины разносит плачущая вьюга. Фаина убегает в метель и во мрак. Герман остается один под холмом.

Герман. Все бело. Одно осталось: то, о чем я просил тебя, господи: чистая совесть. И нет дороги. Что же делать мне, нищему? Куда идти?

Мрак почти полный. Только снег и ветер звенит. И вдруг, рядом с Германом, вырастает прохожий Коробейник.

Коробейник. Эй, кто там? Чего стоишь? Замерзнуть захотел?

Герман. Сам дойду.

Коробейник. Ну, двигайся, брат, двигайся: это святому так простоять нипочем, а нашему брату нельзя, занесет вьюга! Мало ли народу она укачала, убаюкала...

Герман. А ты дорогу знаешь?

Коробейник. Знаю, как не знать. — Да ты нездешний, что ли?

Герман. Нездешний.

Коробейник. Вон там огонек ты видишь?

Герман. Нет, не вижу.

Коробейник. Ну, приглядишься, увидишь. А куда тебе надо-то?

Герман. А я сам не знаю.

⁵³ Волков Н. Указ. соч. С. 95.

Коробейник. Не знаешь? Чудной человек. Бродячий, значит! Ну, иди, иди, только на месте не стой. До ближнего места я тебя доведу, а потом — сам пойдешь, куда знаешь.

Герман. Выведи, прохожий. Потом, куда знаю, сам пойду». ⁵⁴

Нетрудно заметить, что финал «Песни судьбы» — открытый. Мы не только не знаем, что произойдет в дальнейшем, но и содержание последнего разговора Германа и Фаины можем трактовать полярным образом: как обещание новой встречи или как окончательное прощание. Соответственно и любовная песня Коробейника может либо соответствовать происходящему (тогда воссоединение героев все же возможно), либо быть своего рода контрастным текстом, который лишь усиливает разницу между жизнью народа и интеллигенции (у народа, условно говоря, все складывается так, как в песне, у интеллигенции — так, как в финале драмы).

Наконец, и само появление Коробейника может объясняться двояко. Дело в том, что песня «Ой полна, полна коробушка...», актуализируя некрасовскую поэму, заставляет вспомнить последнюю главу «Коробейников»: «Не тростник высок колышется, / Не дубровушки шумят, / Молодецкий посвист слышится, / Под ногой сучки трещат. / Показался пес в ошейничке, / Вот и добрый молодец: / „Путь-дорога, коробейнички!” / — Путь-дороженька, стрелец! <...> Так ли, малый, пробираемся / В Кострому? — „Нам по пути, / Я из Шуньи”. — А далеко ли / До деревни, до твоей? — / „Верст двенадцать. А по многу ли / Поделили барышей?” / — Коли знать всю правду хочется, / Весь товар несем назад. — / Лесничок как расхохочется! <...> Коробейникам не пелось: / Уж темнеди небеса, / Над болотом засинелась, / Понависнула роса. / — День-деньской и так умелешься, / Сам бы лучше ты запел... / Что ты?.. эй! в кого ты целишься? — / „Так, я пробую прицел...” <...> — Эй! уймись! Чего дурачишься? — / Молвил Ванька. — Я молчу, / А заеду, так наплачешься, / Разом скулы сворочу! / Коли ты уж с нами встретился, / Должен честью проводить. — / А лесник опять наметился. / — Не шути! — „Чаво шутить!” / Коробейники отпрянули, / Бог помилуй — смерть пришла! / Почитай что разом грянули / Два ружейные ствола. / Без словечка Ванька валится, / С криком падает старик...» ⁵⁵

Непосредственных текстуальных переключек здесь нет, но есть глубинное сближение на сюжетном уровне. Оказавшись в незнакомой местности, коробейники встречают человека, готового их проводить, но вместо того чтобы исполнить свое обещание, он убивает путешественников. Финальная глава «Коробейников» является как бы одним из возможных вариантов того, что случится с Германом в «Песне судьбы». Вероятно, этот смысл в некоторой степени вкладывался в произведение и самим автором. Вспомним фразу из статьи «Народ и интеллигенция» (работы, образующей в некотором смысле пару к драме): «Бросаясь к народу, мы бросаемся прямо под ноги бешеной тройке, на верную гибель». Мы можем также предположить, что именно такой вариант развития событий оказался для Блока актуальным в 1919 году, когда он решил переиздать драму (более того, именно этот эксплицитный смысл может являться причиной републикации произведения: таким образом поэт в какой-то степени переоценивал круг своих мыслей 1917—1918 годов).

Думается, что Ходасевич связал финальную сцену из «Песни судьбы» с финальной главой поэмы «Коробейники». Встреча Германа, обладающего биографическими чертами автора драмы, с Коробейником обрела у младшего современника семантические черты встречи коробейников с охотником. Таким образом, мы считаем, что выбранный Блоком интеллектуальный путь (путь единения с народом, сотрудничества с новой властью и призыв к интеллигенции чувствовать вину перед

⁵⁴ Блок А. Собр. соч. Т. 4. С. 165—167.

⁵⁵ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: В 15 т. Л., 1982. Т. 4. С. 69—75.

народом, уничтожающим культурное наследие) для Ходасевича — через «Песню судьбы» и как бы продолжающих ее «Коробейников» — уподоблялся именно трагической развязке поэмы Некрасова.

Смерть поэта также проецируется на этот комплекс текстов. В известной речи «О назначении поэта» (февраль 1921 года) Блок говорил о Пушкине: «*Покой и воля. Они необходимы поэту для освобождения гармонии. Но покой и волю тоже отнимают. Не внешний покой, а творческий. Не ребяческую волю, не свободу либеральничать, а творческую волю, — тайную свободу. И поэт умирает, потому что дышать ему уже нечем; жизнь потеряла смысл*».⁵⁶

Эти слова о Пушкине, несомненно, проецируются и на их автора, связываются с интеллектуальным путем Блока. Действительно, косвенные намеки на это есть в «Некрополе»: «Однако в той обстановке и в устах Блока речь прозвучала не бестактностью, а глубоким трагизмом, отчасти, может быть, *покаянием. Автор „Двенадцати“* завещал русскому обществу и русской литературе хранить последнее пушкинское наследие — свободу, хотя бы „тайную“. И пока он говорил, чувствовалось, как постепенно *рушится стена между ним и залом. В овациях, которыми его провожали, была та просветленная радость, которая всегда сопутствует примирению с любимым человеком*».⁵⁷

В этом пассаже видно, что с помощью выбранных слов подчеркивается идеологическое расхождение Блока и автора воспоминаний. «Покаяние» в этом контексте — не только апология «тайной свободы», но и слова о том, что ее «отнимают». Поскольку же эти слова во многом автобиографичны, то думается, что финальный эпизод «Коробейников» — ввиду важности поэмы для «Песни судьбы» и ввиду актуальности публицистических выступлений Блока после октября 1917 года — оказался сюжетным эквивалентом того, что произошло с великим поэтом. Иными словами, на смысловом уровне смерть Блока, у которого на его пути отняли «творческую волю», для Ходасевича приравнивалась к гибели коробейника Вани, застреленного охотником.

Таким образом, судьба поэта проецируется Ходасевичем на «Песню судьбы» и продолжающий драму финальный эпизод поэмы Некрасова. В таком контексте сам Некрасов выбран не только как «народный» поэт: его поэма оказывается ключом к интерпретации судьбы Блока. При этом фраза «странно, никто не знал „Коробейников“» все равно трактуется сходным образом: то, что прельстило Блока в народе (через Некрасова) оказалось фикцией, тем, что самому народу неизвестно и не присуще.

Мы полагаем, что смысл тайных поминок заключался, с одной стороны, в своего рода проверке идеологии Блока. С другой — текст, предложенный в качестве поминального, на глубинном уровне мог отражать для Ходасевича судьбу умершего поэта. Вероятно, это еще одна причина, почему была выбрана именно «Коробушка», а не «Тройка» или «Несжатая полоса», также ушедшие в фольклор.

Необходимо отметить, что ход мыслей Ходасевича не обязательно был настолько последовательным, как мы пытались реконструировать. Для него как для поэта, вышедшего из символизма, все разбираемые тексты были не только актуальны, но и являлись культурным языком, грамматика и синтагматика которого усвоена в той же мере, что и правила родного языка.

Теперь, после того, как основной сюжет тайных поминок выявлен, следует обратиться к биографическим обстоятельствам, которые подкрепляют логику инициативы Ходасевича. По всей вероятности от своего приятеля К. Чуковского он мог знать о письме Блока к критику от 26 мая 1921 года: «Итак, „здравствуем и посейчас“ сказать уже нельзя: слопала-таки поганая, гугнивая родимая матушка Рос-

⁵⁶ Блок А. Собр. соч. Т. 6. С. 167.

⁵⁷ Ходасевич В. Собр. соч. Т. 4. С. 84 (курсив мой. — П. У.).

сия, как чушка своего поросенка».⁵⁸ В этой фразе, которую Чуковский приводил в своих воспоминаниях о поэте,⁵⁹ Блок не только выразил разочарование в своем мировоззрении последних лет, но и на метафорическом уровне сформулировал идею, сходную с логикой тайных поминок. В таком контексте провокация подкреплена заранее известной информацией. Вообще, фразу из письма Блока можно назвать своего рода смысловой матрицей, определившей не только поступок Ходасевича, но и круг мыслей Чуковского. Действительно, его размышления, сначала сформулированные в дневнике, а потом высказанные в мемуарах о Блоке, поразительно близки тайным поминкам: «Когда с траурной телеграммой в кармане ехал из города в то место, где жил, мне казалось, что эти кривые и злые домишки вправду виноваты в его смерти. Даже в названиях деревень мне чудилось что-то жестокое: Черное Захонье, Страшницы, Карачуницы. Я ехал из Страшниц в Карачуницы и повторял его давнишние стихи: „Когда я уйду на покой от времен, Уйду от хулы и похвал, / Ты вспомни ту нежность, тот ласковый сон, / Которым цвел и дышал“. И мне казалось, я вижу, как этого „цветущего нежностью“ топчу сапогами Карачуницы. И все же он любил Карачуницы...».⁶⁰

Другой аспект тайных поминок — незнание культурного наследия — мог быть также подсказан обстоятельствами жизни художественной колонии. Вспоминает сын критика: «Я плакал весь день. Мой приятель и однолеток князь Петя Гагарин никогда до тех пор не слыхавший о Блоке, спросил меня: — А что, Блок твой родственник?».⁶¹ С еще более вопиющим случаем неведения Ходасевич, согласно его воспоминаниям, столкнулся по пути в Холломки. Бюрократическая волокита заставила поэта остаться во Пскове и провести ночь в порожнем составе. Нагрянула проверка ЧК. «Выручила случайность, довольно нелепая. Среди бесчисленных бумаг жек с печатями и подписями (...) была одна, подписанная Максимом Горьким. В ней было сказано, что всякому начальству рекомендуется оказывать мне всяческое содействие (...) Чекистов (...) было двое. (...) Увидав подпись Горького, они мне объявили, что бумага подложная, а я дурак, потому что Максим Горький — не человек, а поезд, а человек такой если и был когда, так давно уже помер. Несмотря на серьезность положения, я все-таки засмеялся. (...) Пошли шутки, и в конце концов дело обернулось так, что я, разумеется, врешь, но занятый парень и не Блоковец какой преступник, и хотя никакого Горького нет, — на этот счет двух мнений не может быть, — но почему бы меня не оставить в вагоне?».⁶²

Таким образом, мы полагаем, что целый ряд биографических обстоятельств способствовал возникновению идеи тайных поминок, а приведенные фрагменты подталкивают нас к выводу, что их исход Ходасевичу был известен заранее.

Наконец, необходимо обратиться к вопросу: почему поэт считал нужным вспоминать о своей неудачной попытке, т. е., по сути, о несовершившемся событии, спустя несколько лет? Ответ на этот вопрос сопряжен с предположением: не являются ли тайные поминки мемуарным конструктом Ходасевича? Сразу оговоримся,

⁵⁸ Блок А. Собр. соч. Т. 8. С. 537.

⁵⁹ Чуковский К. Александр Блок как человек и поэт (1924) // Чуковский К. Собр. соч. Т. 8. С. 99.

⁶⁰ Чуковский К. Последние годы Блока // Записки мечтателей. 1922. № 6. С. 167 (позже этот фрагмент автор в воспоминания не включал). Ср. с записью в дневнике от 12 августа 1921 года: «И чувствовалось, что все эти сволочные дома и в самом деле сожрали его — т. е. не как фраза чувствовалось, а на самом деле: я увидел светлого, загорелого, прекрасного, а его давят домишки, где вши, клопы, огурцы, самогонка и — порховская, самогонная скука» (Чуковский К. Дневники. С. 364).

⁶¹ Чуковский Н. Указ. соч. С. 21.

⁶² Ходасевич В. Во Пскове (1935) // Ходасевич В. «Некрополь» и другие воспоминания. М., 1992. С. 304—305. Следует отметить, что истинность приведенного эпизода может быть поставлена под сомнение тем фактом, что в одном из залов Псковского вокзала, «среди других начальствующих лиц», висел фотографический портрет Горького (Чуковский К. Дневники. С. 343). С другой стороны, чекисты вовсе не были обязаны внимательно изучать стены вокзала.

что мы не разделяем такую точку зрения, однако считаем нужным привести аргументы в пользу подобной догадки. Они, в любом случае, помогут понять, почему автор «Некрополя» упомянул о странном эпизоде.

В конце главы «Гумилев и Блок» стоит дата создания текста — 1931 год, т. е. десятилетняя годовщина со дня гибели поэтов. Однако именно этим годом следует датировать не написание всего текста, а компиляцию прежних мемуарных очерков, опубликованных ранее.⁶³ До «Некрополя» Ходасевич лишь один раз воспроизводит историю тайных поминков, в публикации 1926 года.⁶⁴ Августовские очерки в «Днях», приуроченные к пятилетней годовщине трагических событий, следует признать основным структурным костяком главы «Гумилев и Блок» в итоговых мемуарах. Однако по сравнению с «Некрополем», газетные воспоминания содержат ряд убранных впоследствии высказываний.

Прежде всего, там мы встречаем целый пассаж о гибели Гумилева: «Здесь, в эмиграции, мне несколько раз доводилось читать и слышать о Гумилеве безвкусное слово: „рыцарь-поэт”. Те, кто не знал Гумилева, любят в таком духе выражаться о его смерти. То, конечно, вздор и — говоря по-модному — лубок. Рыцари умирают в борьбе, в ярости боя. В смерти же Гумилева — другой, совсем иного порядка трагизм, менее „казистый”, но гораздо более страшный. Гумилев умер (я не нахожу других слов) подобно тем, что зовутся „маленькими героями”. Есть рассказы о маленьких барабанщиках, которые попадают в плен — и их убивают за то, что они не хотят выдать своих. Есть рассказ о Маттео Фальконе. Вот где надо искать аналогий со смертью Гумилева. Конечно, он не любил большевиков. Но даже они не могли поставить ему в вину ничего, кроме „стилистической отделки” каких-то прокламаций, не им даже написанных. Его убили ради наслаждения убийством вообще, еще — ради удовольствия убить поэта, еще — „для остротки”, в порядке чистого террора, так сказать. И соответственно этому Гумилев не жертвою политической борьбы, но „в порядке” чистого, отвлеченного героизма, ради того, чтоб „не дрогнуть глазом”, не выказывать страх и слабость перед теми, кого он гораздо более презирал, нежели ненавидел. Политическим борцом он не был. От этого его героизм и жертва, им принесенная, — не меньше, а больше».⁶⁵

Как мы видим, убийство поэта, не связанного по-настоящему с политикой, есть проявление террора и абсолютного зла. Роль Блока в мемуарном очерке — это другой возможный вариант судьбы поэта. В отличие от «Некрополя» (в котором Ходасевич сделал свой текст менее идеологичным), смерть великого символиста также становится политически знаковой. Эпизоду с тайными поминками предшествуют следующие пассажи. Сначала о пушкинском вечере: «Говоря о высоком избрании поэта, об „испытании сердец гармонией”, он (Блок. — П. У.) расставался с недавним своим соблазном — соблазном близости к большевизму. (...) В тот вечер Блок был истинно и в лучшем смысле этого слова — *народен*».⁶⁶

Затем о смерти поэта: «Я думаю, тот, кто первый сказал, что Блок задохнулся, взял это именно отсюда, из этих слов, обращенных к людям, сгубившим и обманувшим не только Блока, но и Россию. Но тут — особая, очень сложная тема — об обманчивой и временной близости Блока к большевизму и о его разочаровании, которое тоже, конечно, сыграло вполне роковую роль в его жизни и смерти».⁶⁷ И уже после этого следует рассказ о тайных поминках.

⁶³ Ходасевич В. 1. О Блоке и Гумилеве. Воспоминания // Дни. 1926. 1 авг. С. 3; 2. О Блоке и Гумилеве (окончание) // Дни. 1926. 9 авг. С. 3; 3. Гумилев и «Цех Поэтов» // Сегодня. Рига. 1926. 27 авг. С. 6; 4. Из воспоминаний о Гумилеве (к десятилетию со дня смерти) // Возрождение. 1931. 27 авг. С. 3; 5. Мелочи // Возрождение. 1933. 7 сент. С. 3. 6. Из Петербургских воспоминаний // Возрождение. 1933. 31 авг. С. 3.

⁶⁴ Ходасевич В. О Блоке и Гумилеве (окончание). С. 3.

⁶⁵ Ходасевич В. О Блоке и Гумилеве. Воспоминания. С. 3.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Ходасевич В. О Блоке и Гумилеве (окончание). С. 3.

Нетрудно заметить, что приведенные высказывания выстраиваются в определенную концепцию. Согласно Ходасевичу, Блок каким-то образом недолгое время был связан с большевизмом, но преодолел в себе этот соблазн. Произнеся речь «О назначении поэта» он стал народным поэтом, однако — как показывает эпизод с «Коробейниками» — народность в новой культурной ситуации не нашла никакого отклика в самом народе.

Публикации 1926 года призваны показать, что существование поэта в Советской России невозможно. Имплититная цель мемуарных очерков — показать, что именно эмиграция в состоянии продолжить традиции русской поэзии. Категоричность Ходасевича вполне понятна, потому что совсем недавно, весной 1925 года, он решил не возвращаться и смирился с эмиграцией.⁶⁸

Тот факт, что именно тогда эпизод с «Коробейниками» всплывает (или придумывается), доступен объяснению. Дело в том, что именно в 1924—1925 годах поэзия Некрасова становится актуальной для Ходасевича и в значительной степени определяет многие стихотворения будущей «Европейской ночи».⁶⁹ Поэт, однако, не принимает народную составляющую лирики певца музыки «места и печали», поэтому эпизод с тайными поминками, безусловно, необходимо трактовать как полемический.

Наконец, последний вопрос, который необходимо разобрать, — почему Ходасевич оставил эпизод с тайными поминками в «Некрополе». Выскажем следующее предположение. Подготовка книги к печати в 1938—1939 годах совпала с резким изменением отношения поэта и мемуариста к Некрасову. Вызвано оно было, с одной стороны, спорами с Адамовичем о литературной иерархии, с другой — точкой зрения, что поэзия Некрасова была напрямую связана с историческими событиями в России, несла за них идеологическую ответственность. Ее признание как бы означало легализацию большевизма, пропагандированного Некрасова как великого классика (важно учитывать также тот факт, что зимой 1938 года, вскоре после пушкинских торжеств, праздновался некрасовский юбилей).⁷⁰ В таком контексте тайные поминки должны были прочитываться как выпад в большей степени в адрес Некрасова и, соответственно, большевиков. Все, что было придумано советской идеологией о народе, оказывалось фикцией.

⁶⁸ Берберова Н. Указ. соч. С. 244—245.

⁶⁹ Подробнее об этом см.: *Успенский П.* «Начинаются мрачные сцены»: поэзия Н. А. Некрасова в «Европейской ночи» В. Ф. Ходасевича // *Europa Orientalis*. 2012. № 31 (в печати).

⁷⁰ Подробнее см.: Там же.